

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ И. Г. ЭРЕНБУРГА «NOLI ME TANGERE» (1914)

Манышев Сергей Сергеевич

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

ManyshevSS@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифопоэтических мотивов поэтического цикла И. Г. Эренбурга «Noli me tangere» (1914). Проводится комплексный литературоведческий анализ цикла с опорой на гносеологический и аксиологический подходы. Используется метод мифопоэтического анализа с привлечением биографического и историко-культурного контекста. В результате анализа определены ключевые роли мифопоэтических мотивов в создании мотивно-образной структуры стихотворного цикла как целостного по форме и содержанию произведения.

Ключевые слова: Эренбург; мифопоэтические мотивы; мотивно-образная структура; мифотворчество как житнетворчество.

Для цитирования: Манышев С. С. Мифопоэтические мотивы в цикле И. Г. Эренбурга «Noli me tangere» (1914). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 175–180. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

Original article

MYTHOPOETIC MOTIFS IN THE CYCLE OF I. G. EHRENBURG «NOLI ME TANGERE» (1914)

Sergey S. Manyshev

Moscow City University,

Moscow, Russia,

ManyshevSS@mgpu.ru

Abstract. The article studies the mythopoetic motifs in I. G. Ehrenburg's «Noli me tangere» (1914) poetry series. There is a comprehensive literary analysis of the series based on epistemological and axiological approaches carried out. The author applies the method of mythopoetic analysis involving biographical, historic and cultural context. The study results in determining the key roles of mythopoetic motifs in the creation

of the motif-figurative structure of the poetry series as integral in form and content of the work.

Keywords: Ehrenburg; mythopoetic motifs; motif-figurative originality; myth-making as life-creation.

For citation: Manyshev S. S. Mythopoetic motifs in the cycle of I. G. Ehrenburg «Noli me tangere» (1914). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 46 (2): 175–180. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.16

Для лучшего понимания содержания и поэтики цикла «Noli me tangere» необходимо раскрыть историко-биографический контекст его создания. Этот цикл стихотворений, предположительно, был написан в конце 1913 – начале 1914 г., в период личного кризиса И. Г. Эренбурга и прекращения близких отношений с Е. Шмидт [1, т. 1, с. 129]. В то же время поэт работает над сборником «Детское», посвященным Ф. Жамму, а также над большой переводной антологией «Поэты Франции (1870–1913)». В 1914 г. Эренбург планирует выпустить одноименный сборник, в который должны были войти стихи данного цикла. Однако планам не суждено было сбыться.

Название «Noli me tangere» отсылает к евангельскому сюжету, описывающему явление Христа Марии Магдалине после Воскресения. Он же сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20: 11–17).

В стихах цикла звучат не только лирические мотивы, связанные с окончанием любовных отношений. Помимо стремления Эренбурга выразить в них неразрывность духовной связи лирического героя с бывшей возлюбленной, речь идет об экзистенциальном выборе самого поэта, предполагающем некий обряд перехода в новую стадию личностного развития.

Вместе с тоской об уходящей любви поэт стремится выразить трагическое понимание обреченности человека на тоску и страдания, а вместе с тем упорствует в своем христианском индетерминизме, сопротивляясь предопределенности бытия. Лирический герой находится в пограничной ситуации: в точке принятия судьбоносного решения ему предстоит выбрать между слабостью подчинения умирающим чувствам и силой внутренней свободы, дающей духовное обновление. Выходом из нее должно стать преодоление неверия в то, что любовь умерла, и вера в то, что она должна возродиться в будущей жизни в новой своей ипостаси. Это будет высшая форма любви, предполагающая отказ от телесного, эгоистичного, собственнического. Это будет божественное чувство, дарующее духовную свободу, которая воплотится в творчестве, в служении людям. Именно этой сквозной темой перерождения и воскрешения любви обусловлены мифопоэтические мотивы цикла «Noli me tangere».

Атмосферу цикла создает целая гамма мифопоэтических образов и символов, связанных с библейскими сюжетами или формирующих собственную авторскую мифологию (что отражает общую тенденцию поэзии Серебряного века) [2, с. 163]. В образно-мотивной структуре цикла важными составляющими являются пространство и время (в том числе суточный цикл и времена года, а именно хронотоп ночного зимнего города), а также цвет и образы второстепенных персонажей (старика-прохожего и женщины — летучей мыши).

Об описании обряда экзистенциального перехода свидетельствуют и сама структура цикла, и форма записи стихотворного текста. Написанные как дневник или как письма — в строку, эти стихи являются, по сути, исповедью, сообщением о тайном преображении.

Композиционно цикл задуман так, чтобы с помощью развития мифопоэтических мотивов и смены хронотопов показать внутреннюю трансформацию лирического героя. Через зимний город, пространство снов и воспоминаний, автор в конце цикла приводит его в цветущий весенний пригород. Можно сказать, что композиция цикла построена на образно-семантической антитезе. Это противопоставление промозглых ночных пространств, наполненных туманом, и сновидений, похожих на галлюцинации, — картине умиротворения и свободы цветущей окраины, возникающей в конце цикла.

Важнейшая художественно-изобразительная роль в поэтике цикла отведена архетипическим библейским образам-мифологемам. Трансформируясь под воздействием авторского восприятия, они несут гносеологическую, аксиологическую и эстетическую нагрузку, позволяя поэту высказать непознаваемое разумом [2, с. 165].

Одним из ярких примеров является отсылка к библейскому сюжету о неверии апостола Фомы: «Но Он в минуту заката мне дал вино тоски и тьмы, такое крепкое, что, выпив, я заплакал и вспомнил серые глаза Фомы» [3, с. 175]. Речь идет об эпизоде со Святым Фомой: он захотел прикоснуться к ранам Иисуса, чтобы удостовериться в их реальности. Но Иисус сказал ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20: 26–28). Таким образом, поэт передает всю гамму чувств лирического героя, связанную с преодолением неверия в потерю прежней любви: горечь этой открывшейся истины и блаженное облегчение от ее принятия.

Примечательна и такая мифологема, как умирающий голубь.

«Пади на иней, белый голубь, тебя я ей, печальной, отнесу и расскажу, что стали чище мои хвалебные слова, скажу: — Мне хорошо. Я нищий. Но знаете, любовь еще жива. — Она на голубя слегка подышит, прочтет стихи, заплачет и уснет. А голубь, Господи, какой он лишний, и лучше, если он не отойдет» [3, с. 174].

Голубь — это символ чистоты, упоминание о котором часто встречается в библейских текстах. Также это символ привязанности, верности и доброй вести. В истории о потопе голубь прилетает в ковчег к Нюю с радостным

известием о том, «что вода сошла с земли» (Быт. 8: 10–11). Отметим здесь, что голуби также были предметом жертвоприношений (Быт. 15: 9).

В развернутой метафоре, уподобляя замерзшей голубке умирающие чувства, поэт отождествляет холод зимы с душевным холодом. Любовные чувства должны быть принесены в жертву личной и творческой свободе лирического героя. Метафору «белый голубь» усиливает обилие образов, ассоциирующихся с зимой: *белые сны, белые тонкие льдины, оковы чистоты, ломкий лед, зимнее белое небо, упавший с неба снег, пади на иней, иногда вспоминаю костры на снегу*. Символика белого цвета, соединяющая в себе холод и чистоту, непосредственно влияет на мотивное содержание цикла [4, с. 31; 5, с. 32].

Далее поэт обращается к ветхозаветному сюжету о золотом тельце: «Облаками большими, тяжелыми скрыты синие очи Отца, но в душе не осталось золота, чтоб отлить иного *тельца*» [3, с. 174] (здесь и далее курсив наш. — С. М.).

В сюжете из Ветхого Завета (Исход 32: 1, 3–5, 9–10, 11, 14, 25–29) говорится о том, что евреи, бежавшие из египетского плена, сорок лет блуждали по пустыне и утратили веру в скорое обретение родины. И тогда им было велено собрать все золотые украшения, для того чтобы выплавить статую тельца (быка). Люди стали молиться золотому тельцу, но пророк Моисей не допустил поклонения идолу.

Таким образом, в словах лирического героя проявляется осознание того, что некогда сильное любовное чувство исчезает; прежнее поклонение перед женщиной воспринимается теперь как наваждение, как принесение в жертву своих истинных чувств ложному божеству, как причина истощения душевных сил.

Обряд перерождения лирического героя, его инициация — очищение болью разрыва с любимой женщиной, переход в другую стадию жизни — происходит в холодном и безрадостном пространстве зимнего города: «Я люблю над Парижем зимние сумерки, когда легче и проще о смерти думаешь» [3, с. 173]. В рамках мифопоэтической структуры цикла локус города воспринимается как некое лиминальное пространство — одинаково реальное и фантастическое, в котором герой уже перестал быть прежним, но еще не стал иным — обновленным [6, с. 168].

Интерпретация следующих стихов цикла с точки зрения структурной теории Леви-Стросса [7, с. 209–210] выявляет бинарную оппозицию жизнь/смерть, выраженную через прием антитезы: старость и юность. Этот выбор воплощен в образе случайного прохожего:

«Старик, *от тумана* юный, в синий плащ одетый, — может быть, житель Сатурна или другой холодной планеты» [3, с. 173].

Здесь туман — образ тайны и неизвестности, эфемерности мира и опустошенности — является преградой к выходу из вышеназванной оппозиции, существующей в лиминальном пространстве города: «Тихо на улице длинной; темные магазины. Прохожий робко взглянет, не повернется, и *всё в тумане*» [3, с. 173].

Необходимо отметить, что за семантикой образов тумана, мутной мглы и синего плаща просматриваются реминисценции из поэзии А. А. Блока

(«Ты в синий плащ печально завернулась...» [8, т. 3, с. 44], «Дыша духами и туманами...» [8, т. 2, с. 158–161]). Эти отсылки готовят сознание читателя к появлению подобия образа блоковской Незнакомки, но эти предчувствия оказываются обмануты.

«В нежном свете гаснущего газа мелькают женщины, как *летучие мыши*. На улице пустой и влажной шелест тонкого шелка слышен. Я сяду в маленьком баре, ко мне прилетит *летучая мышь* и скажет: “Ты снова печален, ты снова один сидишь”» [3, с. 175–176].

Неожиданно в этих стихах цикла проявился метафоризм образа женщины — летучей мыши. В культурах многих народов мира летучая мышь воспринимается как мистическое существо, вызывающее страх. Образ кожана в некоторых традициях ассоциируется с чем-то дьявольским, демоническим, а также с происхождением первородного греха [9]. Авторское ощущение демонического, греховного начала в женщине нашло выражение в использовании этой мифологемы в качестве яркой аллегии.

О том, что лирический герой близок к осознанному выбору, к отказу от умирающего чувства в пользу сохранения своего внутреннего мира, говорят следующие строки: «Говорят и глядят, и взгляды, и слова душу смутить не могут, лишь тревожат ее едва-едва, как мелкие камешки воду» [3, с. 177].

Мифологема воды, с которой сравнивается душа, разнородна. С одной стороны, она символизирует вечный источник жизни. Живая вода возвращает к жизни и дает новую жизнь. Именно поэтому в обрядах инициации часто применяется кропление водой. Пересечение водной преграды в аллегорическом смысле означает переход из одного онтологического состояния в другое (что, собственно, и происходит с лирическим героем цикла). А с другой стороны, вода — это символ неудержимого потока — потока времени, потока творческой энергии.

Не случайно только одно стихотворение из цикла «Noli me tangere» имеет название. Это венчающие его стихи «Пригород». Они указывают на завершение инициации лирического героя, его выход из лиминальности, перемещение за пределы белого (бесцветного, холодного, туманного) локуса города — в весенний пригород с голубым небом и цветущими глициниями.

Таким образом, Эренбург, своим циклом стихов «Noli me tangere» включился в процесс создания мифопоэтической парадигмы Серебряного века русской поэзии, подтвердив состоятельность тезиса о понимании жизнотворчества как мифотворчества.

Список источников

1. Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. М.: АСТ; 2017. 656 с.
2. Осипова Н. О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века. *Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс)*. 2001; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (дата обращения: 04.01.2022).
3. Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический Проект; 2000. 816 с.

4. Борзых О. В. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте. *Вестник ВГУ*. 2012; 2: 28–31.
5. Громова А. В. Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра». *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2016; 3 (23): 27–34.
6. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука»; 1983. 168 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука; 1985. 398 с.
8. Блок А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда; 1971.
9. Аликашева Д. В. Летучие мыши в мифах и легендах народов мира. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016; 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letuchie-myshi-v-mifah-i-legendah-narodov-mira> (дата обращения: 03.02.2022).

References

1. E`renburg I. G. Lyudi. Gody`. Zhizn`. M.: AST; 2017. 656 s. (In Russ.).
2. Osipova N. O. Mifopoe`ticheskiy analiz poe`zii Serebryanogo veka. *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturny`j process)*. 2001; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (data obrashheniya: 04.01.2022). (In Russ.).
3. E`renburg I. G. Stixotvoreniya i poe`my`. SPb.: Akademicheskij Proekt; 2000. 816 s. (In Russ.).
4. Borzy`x O. V. Mezhdisciplinarny`e aspekty` izucheniya czveta v poe`ticheskom tekste // *Vestnik VGU*. 2012; 2: 28–31. (In Russ.).
5. Gromova A. V. Mir cveta v povesti Vs. Ivanova «Cvetny`e vetra». *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoie obrazovanie*. 2016; 3 (23): 27–34. (In Russ.).
6. Te`rner V. Simvol i ritual. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izd-va «Наука», 1983. 168 s. (In Russ.).
7. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. M.: Nauka; 1985. 398 s. (In Russ.).
8. Blok A. A. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Pravda; 1971. 364 s. (In Russ.).
9. Alikasheva D. V. Letuchie my`shi v mifax i legendax narodov mira. *Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk*. 2016; 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/letuchie-myshi-v-mifah-i-legendah-narodov-mira> (data obrashheniya: 03.02.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Манышев — аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Sergey S. Manyshv — postgraduate student of the department of Russian literature, Institute of Humanities, MCU.